

В. Н. Барышников

**МАРШАЛ К. Г. МАННЕРГЕЙМ И НАСТУПЛЕНИЕ
СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ИЮНЕ 1944 г.
НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ**

О государственной, военной и политической деятельности, а также обо всей жизни финского маршала К. Г. Э. Маннергейма существует масса литературы. Особенно ее много, естественно, издается в Финляндии. И она имеет самый разнообразный характера работ¹. Что же касается нашей страны, то здесь последний всплеск интереса к этой исторической личности приходится на 2015–2016 гг., когда в Санкт-Петербурге решили даже установить мемориальную доску в память о русском периоде жизни Маннергейма. Также с достаточным постоянством в России выходят различные работы о единственном финском маршале. Это даже создает определенную картину, схожую по своей сути с культом того или иного отдельного государственного и политического деятеля, который ранее довольно долго существовал в СССР. Достаточно сказать о книгах, в которых раскрываются отношения Маннергейма с женщинами и лошадьми, а также о его жизни в Санкт-Петербурге или Польше². Есть даже работы «Маннергейм за 90 минут» или «Маннергейм в Петербурге: Методическое пособие по проведению экскурсий»³. Не удивительно, что и существующие об этом рассуждения обычно находятся в плоскости, которая достаточно далека от истории.

Тем не менее в данном отношении, пока в России особо не затрагивался вопрос о том, какую роль, при столь позитивном отношении отдельных авторов к финскому маршалу, он сыграл при организации отражения советского наступления на Карельском перешейке в июне 1944 г., начало которого он сам лично назвал «черным днем в нашей военной истории»⁴. Существует лишь общая констатация, что «у маршала Маннергейма не было ясного представления о планах наступления советской армии, однако интуиция подсказывала ему, что надо максимально усилить оборонительные позиции на Карельском перешейке и в Южной

Карелии»⁵. Тем не менее одной лишь «интуиции», очевидно, оказалось далеко недостаточно. Части 21-й армии, начавшие на Выборгском направлении свое наступление 10 июня, смогли всего за одну неделю прорвать серьезные финские укрепления, а на десятый день боев взять Выборг. Более того, в финских войсках в это время наступила общая паника. На фронте откровенно стали господствовать настроения, где признавалось, что вообще «всему пришел конец»⁶. В результате значительная часть отступающих, как можно раньше, стремилась покинуть зону боевых действий. Признавая это, начальник генерального штаба финской армии Э. Хейнрик «мягко» подчеркнул, что тогда просто «духовное состояние войск явно ухудшилось»⁷. Действительно, в армии стало нарастать массовое дезертирство. За 14 дней отступления из финских частей дезертировало 24 тыс. солдат, что составляло 4,5 процента всех войск. Это было равнозначным по численности двум пехотным дивизиям⁸.

В целом проведенная операция, безусловно, отличалась от той, которую осуществила Красная армия в период т. н. «зимней войны». Тогда, как известно, финские войска удерживали оборону на перешейке в течение трех месяцев, а Выборг наступавшие вообще так и не смогли полностью занять. Очевидно, что именно в 1939–1940 гг. имя Маннергейма, руководившего финскими войсками, прославилось на весь мир. В результате возникал вопрос, почему его армия в июне 1944 г. уже не смогла повторить прошлый успех?

Самым простым ответом на данный вопрос, конечно, может стать утверждение, содержащееся в отдельных финских исследованиях, что в 1944 г. «Выборг не имел такого военного значения, как во время зимней войны» и в результате «его защита тоже не была такой»⁹. Однако подобное достаточно примитивное суждение лишь направлено на то, чтобы показать большую «хитроумность» отдельных представителей финского командования в 1944 г.¹⁰

На самом деле, здесь существовали вполне объективные обоснования и они, естественно, не могли персонально завесить от действий или принимаемых решений со стороны финского военного руководства или лично Маннергейма. Безусловно, что главной причиной поражения финских войск являлось лишь то, что они оказались значительно слабее советской армии. В итоге даже существует мнение, что в момент наступления на Карельском перешейке в июне 1944 г. советскому командованию «сопротивление противника можно было не учитывать»¹¹. Как заметил не без доли самокритики генерал Э. Хейнрик, «20 июня русские оказались в Выборге, перешедшем в их руки, неожиданно [выделено В. Б.] легко»¹².

Действительно, на направлении главного удара руководство Ленинградским фронтом смогло сосредоточить колоссальное количество

войск, доведя их численность до 80 процентов от всех своих сил, находящихся на Карельском перешейке. Советская армия здесь превосходила финскую не только по численности, но и по количеству, а также качеству боевой техники¹³. Это, конечно, не могло не иметь определяющего значения для достижения поставленной задачи.

Но, с другой стороны, и в «зимнюю войну», как известно, советские войска тоже имели подавляющее преимущество. Поэтому важным отличием советских войск летом в 1944 г. от наступающих частей Красной армии в 1939–1940 гг. было то, что они еще превосходили финскую армию в уже сложившемся к этому времени боевом опыте. Длительная позиционная война, которую вели финские фронтовые части, несомненно, ослабляла их подготовку, по сравнению с советскими солдатами. Боевой дух наступавших был очевидно намного выше, чем у постоянно занимавшихся лишь обороной финских войск. Как справедливо заметил К. Г. Маннергейм, говоря о постигшей его войска в начале июня катастрофе: «Это было следствием не только огромного превосходства противника в силах, но и того, что [для финской армии. — В. Б.] продолжалась почти три года позиционная война». Далее же маршал пояснил: «Наоборот, Красная армия с 1942 г. шла от победы к победе и приобрела тем самым исключительный опыт наступления». Закончил же эти свои рассуждения он весьма примечательной фразой: «В ходе данного наступления мы также познали, чем объяснялись победы русского оружия на немецком фронте»¹⁴.

Тем не менее важным, как представляется, стало также еще и морально-волевое состояние войск. Маннергейм об этом особо не пишет, но к лету 1944 г. всем было уже предельно очевидно, что Финляндия, участием в войне против Советского Союза, главной своей цели добиться уже не сможет¹⁵. В отличие от «зимней войны», где финское командование стремилось лишь не допустить разгрома, в войне 1941–1944 гг. изначальной задачей, вместе с Германией, являлось уничтожение самого Советского Союза. Но к 1944 г. от этой идеи вынуждены были окончательно отказаться. Тем не менее, хотя война для Финляндии становилась уже бесперспективной, занимаемые войсками территории, в том числе и те, которые Финляндии никогда не принадлежали, возвращать тоже явно не собирались¹⁶.

Трагизм событий, произошедших на Карельском перешейке, для финского командования усугублялся еще и тем, что к отражению советского военного удара в Финляндии готовилась очень долго. На Карельском перешейке Финляндия сосредоточила до 26 процентов всех своих сухопутных войск и артиллерии¹⁷. Также были модернизированы и созданы новые укрепления, которые должны были исключить воз-

возможность какого-либо их прорыва¹⁸. У финского военного руководства вообще тогда существовала явная уверенность, что строившаяся и модифицирующаяся в течение трех лет оборона позволит удачно отразить всякое возможное наступление советских войск¹⁹. Но этого не произошло. Более того, советские войска вообще осуществили быстрый прорыв финских укреплений, сопровождавшийся стремительным отступлением армии противника.

Все это, несомненно, было связано еще и с рядом чисто субъективных обстоятельств. Они тоже оказали свое влияние на окончательный результат Выборгской операции.

Первое, что, вероятно, в данном отношении следует учитывать, стало то, что финское высшее военное руководство и прежде всего сам маршал явно переоценили возможности своих войск. Изначально в Ставке, очевидно, не учитывали саму возможность, что на Карельском перешейке финская армия будет очень быстро отступать и даже окажется на грани полного разгрома. Несомненно, правы отдельные исследователи, которые указывают на то, что «вина финского верховного командования заключается в том, что оно вовремя не составило продуманный план организованного отступления»²⁰.

Также безусловной ошибкой являлось решение финского командования возводить новую первую линию укреплений в непосредственной близости от фронта. Она даже «частично пролегла... по территории России»²¹ и, как метко замечают некоторые финские исследователи, «все-го лишь в 20 км от Зимнего дворца и центра Ленинграда»²². Более того, по мнению достаточно известного историка Х. Сеппяля, «в соответствии с планами эту позицию надо было укрепить так, чтобы можно было обеспечить оборону на Карельском перешейке и, с помощью имевшихся резервов, решительно отразить наступление»²³. Но даже не военным экспертам было понятно, насколько данное решение было опасным. Премьер-министр Финляндии Э. Линкомиес прямо затем отметит, что «маршал при одобрении плана недостаточно обдумал его, ввел себя в заблуждение, дав волю фанатизму»²⁴.

Действительно, близость укреплений к линии фронта приводило к тому, что они стали хорошо известны советской разведке. Более того, созданные укрепления оказались весьма уязвимыми для возможности, с помощью сконцентрированного огневого воздействия, быстрого и внезапного, их уничтожить²⁵. В итоге здесь присутствовал явный стратегический просчет, который хорошо почувствовали в июне 1944 г. финские фронтовые части.

Тем не менее важно учитывать, что эта ошибка рождалась не вследствие «непродуманности» или в итоге чисто военно-инженерных не-

доработок. Дело в том, что в Финляндии считалось, что строительство глубокоэшелонированной линии обороны «далеко от фронта могло создать впечатление, что предполагалась возможность сдачи противнику той части Перешейка, которую заблаговременно не укрепляли»²⁶. Таким образом, идея организации масштабных оборонительных позиций, создаваемых на линии фронта, была продиктована сугубо *политическими соображениями*, за которые затем уже заплатили своими жизнями финские солдаты.

Далее важным обстоятельством, которое тоже имело явно субъективный характер, стали ошибки в определении потенциальных возможностей войск Ленинградского фронта, а также места и, наконец, времени, когда следовало ожидать вероятное советское наступление. Как справедливо заметил исследователь Э. Кууссаари, финское командование, «в соответствии с главной задачей обороны основных позиций, заранее не смогло точно определить возможные направления наступления противника» и в итоге войска просто были «в начале лета равномерно размещены по всей линии обороны»²⁷.

С другой стороны, для финского командования и момент начала наступления тоже оказался во многом неожиданным. Причем этот сюрприз оказался реальным именно для высшего военного руководства, а не для фронтовых частей финской армии. Здесь солдаты уже вначале июня 1944 г. начали догадываться о готовящемся советском ударе, но не имели конкретных указаний по этому поводу от своего командования²⁸.

В исследовательской литературе вообще нет ясного ответа, почему финское высшее военное руководство особо не обращало никакого внимания на изменение положения за линией фронта. Даже существует представление о том, что «в генштабе между разведывательным и оперативными отделами наблюдался дуализм»²⁹. Как отметил в своих воспоминаниях сотрудник отдела разведки Ставки У. А. Кякёнен, к командованию шли запросы с фронта, в которых просили внести ясность — «будет ли наступление или нет». Но генерал А. Айро, занимавшийся в Ставке вопросами оперативного планирования, откровенно игнорировал данные военной разведки и уклонялся от ответов на данные запросы. Он лишь язвительно отмечал, что он «не знает, будут ли наступать русские или нет», добавляя при этом не без иронии: «Это знает только Сталин. Спросите у него!»³⁰

Тем не менее одновременно в финской литературе существует еще утверждение, что Айро все же «наступление советских войск летом 1944 г. не считал неожиданным»³¹. Но тогда возникал вопрос: Почему Айро явно не желал учитывать имеющуюся у командования разведывательную информацию?

Понять это, конечно, важно. Тем не менее в любом случае сейчас в литературе существует устойчивое мнение, что именно он должен был нести наибольший груз ответственности за допущенный просчет, поскольку Маннергейм ему «безмерно доверял»³². Однако мотивы действий генерала А. Айро, которые сейчас представлены в литературе, объективно выглядят мало убедительными. Как утверждают, в частности, его сослуживцы, он полагал, что финской военной разведке просто не следовало «запугивать» командование, поскольку она «своими обзорами обстановки лишь нервирует войска»³³.

Тем не менее показательно, что подобные взгляды тогда, по наблюдениям сотрудников Ставки, были и у начальника генерального штаба Э. Хейнрикса. Он тоже полагал, что о подготовке советских войск к наступлению не следует много говорить. Более того, существует твердое убеждение, что о реальной возможности советского наступления в полном объеме даже не информировали не только действующие войска, но и самого Маннергейма. Хейнрикс, в частности, как и Айро, считал, что разведсведения о возможном советском наступлении на Карельском перешейке лишь приведут к тому, что маршал «только разнервничается»³⁴. Таким образом, утверждения представителей высшего финского военного руководства как бы отводили от Маннергейма обвинения в том, что именно он должен был нести главную ответственность за допущенный военно-стратегический просчет.

Но то, что К. Г. Маннергейм мало по этому поводу мог «знать» или даже об этом ему особо «не докладывалось», как представляется, выглядит несомненным преувеличением. Очевидно, что маршал должен был получать необходимые сведения. Без них трудно было бы представить, чтобы он мог считаться главнокомандующим. Более того, в своих воспоминаниях он сам прямо утверждал, что «Ставка не какое-то коллегиальное учреждение, а орган, задачей которого является осуществление воли и решений главнокомандующего»³⁵. К тому же, как известно, Маннергейм лично заслушивал различные индивидуальные рапорты офицеров генерального штаба³⁶ и, таким образом, сам держал в своих руках общее руководство войсками. В этом плане трудно согласиться с мнением финского историка Х. Мейнандера, который в различных своих произведениях утверждает, что в 1944 г. «офицеры Ставки в чисто военном смысле лучше представляли ситуацию, чем Маннергейм», и маршал в это время просто утратил способность «анализировать поступающую информацию и делать из нее правильные выводы»³⁷.

В целом здесь надо сказать правду. Маннергейм оставался «прежним» и продолжал в 1944 г. руководить всей финской армией. Рассуждения же о том, что его попросту «не вводили в курс дела» или что он вдрут

стал «неспособным» к анализу тех или иных событий, представляются лишь примером стремления снять с маршала ответственность за явно допущенный им просчет. Об этом четко можно судить даже из того, что именно Айро в начале 1944 г. лично ему «с картой в руках указывал на необходимость увеличить количество войск на Карельском перешейке»³⁸, но Маннергейм это предложение отверг.

В целом допущенная Маннергеймом ошибка является вполне очевидной³⁹ и вполне его собственной. Это он хорошо понимал. Неслучайно именно тогда у него начал наблюдаться очень сильный психологический стресс, который даже обернулся одним из кожных заболеваний, заметных для его окружения⁴⁰. Всем, с кем в это время встречался Маннергейм, было очень хорошо понятно, что он «был крайне обеспокоен изменением обстановке на Карельском перешейке»⁴¹.

Что же касается подчиненных маршала, прежде всего Айро и Хейнрикса, то их предшествующие наступлению действия можно объяснить только тем, что они явно стремились строго учитывать взгляды Маннергейма, проводя в соответствии с ними и свою общую линию.

Но если это признать, то тогда становится уже важным понять сами мотивы, которые подталкивали Маннергейма к стремлению «не замечать» готовившегося советского наступления, лично направляя в этом отношении представления и своих подчиненных.

В данном случае, как это ни кажется удивительным, разгадка данной позиции содержится в воспоминаниях самого маршала. Эти воспоминания, как известно, подверглись весьма аргументированной и заслуженной критике⁴², поскольку составлялись в период, когда после войны от Маннергейма, находящегося в Швейцарии, требовалось оправдать действия всех тех, кто позволил Финляндии на стороне Германии принять участие в войне. Поэтому завершающаяся часть работы писалась во многом именно для этого. Более того, мемуары маршала готовились как плод коллективного творчества при участии его бывших подчиненных — того же Э. Хейнрикса, а также начальника разведки Ставки полковника А. Паасонена⁴³. Естественно, что в мемуары не должны были «просочиться» никакие дискредитирующие политику маршала или вообще Финляндии факты.

Тем не менее все же в них оказались, вероятно, и следы личных взглядов Маннергейма. Они, в частности, относятся именно к тем представлениям, которые существовали у маршала накануне советского наступления. Более того, эти взгляды были хорошо известны его «ближайшему кругу». Поэтому неслучайно затем практически полностью переключались также в собственные воспоминания его «соавтора» генерала Э. Хейнрикса⁴⁴. Также эти взгляды дословно пересказал в своих воспоминаниях

и руководивший финскими войсками на Карельском перешейке генерал К. Л. Эш⁴⁵.

Первое же, что видно из текста воспоминаний маршала, является то, что Маннергейм, конечно, знал о концентрации советских войск на финском фронте. Он даже прямо указывает, что еще «в мае разведдонесения сообщали об изменениях в составе войск противника» и что уже было установлено о «появлении нового, до сих пор неизвестного для нас штаба корпуса»⁴⁶.

Но выводы из этого маршал, если верить его воспоминаниям, делал несколько необычные. Маннергейм полагал, что появление новых войск на Карельском перешейке являлось типичной заменой частей, поскольку «состав русских войск на Карельском перешейке менялся каждую весну». Как записал Маннергейм, это происходило просто потому, что «русские имели обыкновение в это красивое время года отводить войска на отдых и пополнение в большие лагеря, расположенные севернее Ленинграда»⁴⁷. Таким образом, информация разведки маршала особо не пугала. Но при этом сами его взгляды по вопросам концентрации войск выглядели явно достаточно наивными.

Тем не менее самой главной причиной, почему советское наступление для Маннергейма оказалось большо́й неожиданностью заключалось в том, что он явно заблуждался в представлениях о советских военно-политических концепциях окончания Второй мировой войны. Здесь Маннергейм больше обращал внимание на, что называется, «здоровый смысл». Впоследствии он вполне откровенно заметил, что просто не верил в возможность на Карельском перешейке какой-либо особо масштабной операции советских войск. Подобные представления, кстати, можно было увидеть и в воспоминаниях других финских генералов⁴⁸. Генерал К. Л. Эш, в частности, тоже подчеркнул, что «для дивизий первой линии и руководства отдела Ставки это сильное наступление не являлось неожиданным», но далее с горечью подчеркнул, что «только его не ожидали именно такой силы»⁴⁹.

В целом, анализируя «с военной точки зрения» складывающуюся обстановку на восточном фронте, маршал, очевидно, не смог понять стратегического значения для руководства Красной армии необходимости проведения крупномасштабного наступления на Карельском перешейке. Он справедливо считал, что разгром Финляндии вообще коренным образом не изменил бы для СССР хода военных действий. Как военный человек, маршал даже не скрывал, что, по его мнению, «для решающих операций против немцев русским не нужна была территория Финляндии, в том числе и те районы, которые мы оккупировали»⁵⁰. С другой стороны, Маннергейм видел, что необходимая для прорыва финских

укреплений концентрация войск неминуемо должна была «ослабить наступательную мощь» на германском направлении, что, по его мнению, со стратегической точки зрения являлось бессмысленным. Маршал, пытаясь в ходе своих рассуждений стать на сторону советского руководства, не без общего здравого смысла, полагал, что для Москвы, в случае поражения вермахта, Финляндия «осталась бы в одиночестве» и «финская проблема... после разгрома германских вооруженных сил и так была бы решена», поскольку Финляндия неминуемо «одобрила бы умеренные условия мира»⁵¹.

В целом такие рассуждения выглядели вполне здравыми, но очевидно не учитывали общих масштабов Второй мировой войны. Естественно, задачи СССР в 1944 году были значительно более широкими, нежели чем, скажем, в 1941 или 1942 г. Вступление в 1944 г., например, советских войск на территорию Болгарии, которая тоже находилась на европейской периферии, яркое тому доказательство.

Финская же армия вообще занимала советские территории, и этого тогда, естественно, в Москве допускать уже не собирались. Это тоже было хорошо понятно. Финский историк Х. Сеппяля затем неоднократно обращал внимание на данное обстоятельство. В нескольких своих работах он буквально слово в слово прямо пишет: «Политическое и военное руководство Финляндии не хотело понимать сложившуюся стратегическую ситуацию». Поясняя свою мысль, он подчеркнул: «Финские войска находились в непосредственной близости от Ленинграда... Наши войска перерезали кратчайший путь из Мурманска в Ленинград. Финны и немцы владели важными островами в Финском заливе, которые фактически закрыли Финский залив и фактически ограничили свободу действий флота Балтийского моря. Финская береговая артиллерия могла обстреливать с Карельского перешейка южное побережье Финского залива»⁵². Все это было вполне очевидным и это следовало учитывать, когда в финском военном руководстве весной 1944 г. задумывались о возможности военной операции советских войск на Карельском перешейке.

Иными словами, маршал К. Г. Е. Маннергейм в отношении военно-стратегических планов советского руководства просто допустил очевидный просчет.

Таким образом, в целом становится очевидным, что в основе ошибочных взглядов о предстоящем на Карельском перешейке советском наступлении лежат субъективные *политические представления*, которыми руководствовался финский главнокомандующий. В результате именно он, в первую очередь, так и не смог до конца предвидеть весь масштаб предполагаемой советским командованием операции на Карельском перешейке, что, несомненно, закончилось катастрофой для финских воору-

женных сил. В этом отношении, несомненно, был прав премьер-министр Э. Линкомиес, который в своих воспоминаниях просто сказал, что Маннергейм «не был непогрешимым гением... Он был человеком, к тому же еще старым и очень уставшим человеком, который также делал ошибки, как и все»⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. библиографию: *Meinander H. Gustaf Mannerheim. Aristokraatti sarkatakissa.* Hels., 2017. S. 314–325.

² *Власов Л. В.* «Всадники-друзи, в поход собирайтесь!». СПб., 2010; *Власов Л. В.* Густав Маннергейм в Петербурге. СПб, 2003; *Власов Л. В.* Женщины в судьбе Маннергейма. СПб., 2002; *Власов Л. В.* Маннергейм. М., 2004; *Власов Л. В.* Маннергейм и Польша. СПб., 2005; *Власов Л. В., Власова М. А.* Маннергейм и Польша. СПб., 2005.

³ Густав Маннергейм за 90 минут. СПб., 2006; *Жуков А. А.* Маннергейм в Петербурге: Методическое пособие по проведению экскурсий. СПб., 2007.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. Hels., 1952. S. 440.

⁵ *Власов Л. В.* Маннергейм. С. 277.

⁶ *Salminen E.* Propaganda rintamajoukoissa 1941–1944. Suomen armeijan valistustoiminta ja mielialojen ohjaus jatkosodan aikana. Hels., 1976. S. 162.

⁷ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka. Hels., 1959. S. 367.

⁸ См.: *Kulomaa J.* Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana // *Historiallinen Arkisto*, 1986, N88. S. 196–197; *Korhonen A.* Viisi sodan vuotta. Porvoo, 1975. S. 79; *Tiedonantaja*. 1984, 06.09.

⁹ *Viipuri 1944.* Miksi Viipuri menetettiin? Hels., 2007. S. 368.

¹⁰ *Ibid.* S. 361.

¹¹ *Барышников В. Н.* Советское наступление в июне 1944 года глазами финских солдат // *Война в зеркале историко-культурной традиции: От античности до Нового времени. Материалы международной российско-немецкой научной конференции.* СПб., 2012. С. 133.

¹² *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka. S. 366.

¹³ В целом в момент проведения Выборгско-Петрозаводской наступательной операции советские войска превосходили финскую армию в живой силе в 1,7 раза, по орудиям и минометам — в 5,2, по танкам и самоходной артиллерии — в 7,3, по самолетам — в 6,2 раза (*Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 246). По отчетным документам Ленинградского фронта накануне операции наступавшая на выборгском направлении 21-я армия превосходила финские войска по артиллерии в 13 раз, а по танкам и самоходной артиллерии — абсолютно (*Каранкевич Л. Н., Козуненко Д. А.* Июнь 1944 года. Хроника первых дней советского наступления на Карельском перешейке. СПб., 2017. С. 94).

¹⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 464–465.

¹⁵ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 261–274.

¹⁶ Барышников В. Н. К вопросу о выходе Финляндии из Второй мировой войны: визит финской правительственной делегации в Москву в марте 1944 г. и его значение (по материалам Архива министерства иностранных дел Финляндии) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 140–156. См. также: *Rusi A. Lehdistöensuuri jatkosodassa. Sana valvonta sodankäynnin välineenä 1941–1944.* Hels., 1982. S. 328–329; *Vilkuna K. Sanan valvonta. Sensuuri 1939–1944.* Hels., 1962. S. 88.

¹⁷ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 245. Финский историк Х. Сеппеля, однако, указывает на то, что этих сил также было недостаточно. Он обращает внимание, что на переднем крае находилось лишь 75 050 войск (см.: *Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia.* Porvoo-Hels., 1974. S. 249). Историк подчеркиваем, что их тогда было даже в два раза меньше, чем в момент генерального наступления советских войск на Карельском перешейке в феврале 1940 г., когда финское командование имело здесь 150 000 своих войск (см.: *Ibiem*).

¹⁸ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 244.

¹⁹ См.: *Mannerheim G. Muistelmat.* S. 456; *Oesch K. L. Suomen kohtalon ratkaisu kannaksella v. 1944.* Hels., 1956. S. 75; *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä.* Hels., 1974. S. 142, 144; *Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi.* Porvoo-Hels., 1969. S. 234.

²⁰ *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. М., 2014. С. 168; *Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän voitto.* Hels. — Pietari, 2003. S. 198.

²¹ *Linkomies E. Vaikea aikea. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44.* Hels., 1970. S. 179.

²² *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 166.

²³ *Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi.* S. 234.

²⁴ *Linkomies E. Vaikea aikea.* S. 179.

²⁵ Это обстоятельство затем вынуждены были признать и финские военные историки. См.: *Suomen sota 1941–1945. Osa 7.* Kuopio, 1957. S. 23; *Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän voitto.* S. 195.

²⁶ *Linkomies E. Vaikea aikea.* S. 179.

²⁷ *Ibid.* S. 24.

²⁸ *Sotilaiden äänet. Kannaksen läpimurto taisteluista 1944. Yleisradion ääniarkistosta koonnut Paavo Rintala.* Hels., 1966. S. 12, 15–16; См.: *Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän voitto.* S. 194–195.

²⁹ *Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka.* S. 389.

³⁰ Цит. по: *Käkönen U. A. Miehityksen varalta. Päämajan tiedustelta 1943–45.* Hels., 1970. S. 87–88.

³¹ *Brantberg R. Sotakenraalit.* Jyväskylä, 1998. S. 18.

³² См.: *Каранкевич Л. Н., Козуненко Д. А.* Июнь 1944 года. Хроника первых дней советского наступления на Карельском перешейке. С. 74. См. также:

Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997. С. 174; Viipuri 1944. Miksi Viipuri menetettiin? S. 361.

³³ *Lehtmus K. Tuntematon Mannerheim. Hels., 1967. S. 174; Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. S. 144.*

³⁴ Цит. по: *Käkönen U. A. Miehityksen varalta. Päämajan tiedustelta 1943–45. S. 90.*

³⁵ *Mannerheim G. Muistelmat. S. 450.*

³⁶ *Мейнандер Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроение. С. 169.*

³⁷ Там же; *Meinander H. Gustaf Mannerheim. Aristokraatti sarkatakissa. S. 256.*

³⁸ *Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka. S. 555.*

³⁹ *Meinander H. Gustaf Mannerheim. Aristokraatti sarkatakissa. S. 255, 256.*

⁴⁰ *Ibid. S. 247, 256; Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. С. 174.*

⁴¹ *Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. М., 2005. С. 211: Erfurth W. Sotapäiväkirja vuodelta 1944. Porvoo-Hels., 1954. S. 167.*

⁴² См. например: *Lundin C. L. Finland in the Second World War. Blominngton, 1957. P. 15.*

⁴³ См.: *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. S. 158–159.*

⁴⁴ *Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka. S. 358.*

⁴⁵ *Oesch K. L. Suomen kohtalon ratkaisu Kannaksella v. 1944. S. 76.*

⁴⁶ *Mannerheim G. Muistelmat. S. 437.*

⁴⁷ *Ibidem.*

⁴⁸ См.: *Oesch K. L. Suomen kohtalon ratkaisu Kannaksella v. 1944. S. 76.*

⁴⁹ *Ibid. S. 73.*

⁵⁰ *Mannerheim G. Muistelmat. S. 461–462.*

⁵¹ *Ibidem.*

⁵² *Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 233–234; Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän voitto. S. 194.*

⁵³ *Linkomies E. Vaikea aika. S. 180.*

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н. К вопросу о выходе Финляндии из Второй мировой войны: визит финской правительственной делегации в Москву в марте 1944 г. и его значение (по материалам Архива министерства иностранных дел Финляндии) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 140–156.

Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 336 стр.

Власов Л. В. «Всадники-други, в поход собирайтесь!». СПб.: Европейский Дом, 2010. 232 стр.

Власов Л. В. Густав Маннергейм в Петербурге. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003. 156 стр.

Власов Л. В. Женщины в судьбе Маннергейма. СПб.: СПб.: Фонд «Отечество», 2005. 224 стр.

- Власов Л. В. Маннергейм. М.: Молодая гвардия, 2005. 320 стр.
- Власов Л. В., Власова М. А. Маннергейм и Польша. СПб.: Русская военная энциклопедия, 2005. 224 стр.
- Густав Маннергейм за 90 минут. СПб.: Сова, 2006. 94 стр.
- Жуков А. А. Маннергейм в Петербурге: Методическое пособие по проведению экскурсий. СПб.: Д.А.Р.К., 2007. 112 стр.
- Каранкевич Л. Н., Козуненко Д. А. Июнь 1944 года. Хроника первых дней советского наступления на Карельском перешейке. СПб.: Издательство: «Гйоль», 2017. 448 стр.
- Мейнандер Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроение. М.: Издательство «Весь Мир», 2014. 400 стр.
- Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 208 стр.
- Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. М.: Олма-Пресс Звездный мир, 2005. 320 стр.
- Brantberg R. Sotakenraalit. Jyväskylä: Gummerus, 1998. 287 s.
- Erfurth W. Sota-päiväkirja vuodelta 1944. Porvoo-Helsinki: Werner Söderström OY, 1954. 292 s.
- Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka. Hels.: Otava OY, 1959. 487 s.
- Korhonen A. Viisi sodan vuotta. Porvoo: Werner Söderström OY, 1975. 662 s.
- Kulomaa J. Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana // Historiallinen Arkisto, 1986, № 88. S. 196–197.
- Käkönen U. A. Miehityksen varalta. Päämajan tiedustelta 1943–45. Helsinki: Otava, 1970. 249 s.
- Lehmus K. Tuntematon Mannerheim. Helsinki: Weilin + Göös, 1967. 243 s.
- Linkomies E. Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. Helsinki: Otava, 1970. 445 s.
- Lundin C. L. Finland in the Second World War. Blominngton: Indiana University Press, 1957. 303 p.
- Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. Helsinki: Otava, 1952. 526 s.
- Meinander H. Gustaf Mannerheim. Aristokraatti sarkatakissa. Helsinki: Otava, 2017. 335 s.
- Oesch K. L. Suomen kohtalon ratkaisu kannaksella v. 1944. Helsinki: Otava, 1956. 216 s.
- Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. Helsinki: Weilin&Göös, 1974. 175 s.
- Rusi A. Lehdistösensuuri jatkosodassa. Sana valvonta sodankäynnin välineenä 1941–1944. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1982. 394 s.
- Salminen E. Propaganda rintamajoukoissa 1941–1944. Suomen armeijan valistustoiminta ja mielialojen ohjaus jatkosodan aikana. Helsinki: Otava, 1976. 242 s.
- Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo-Helsinki: Werner Söderström OY, 1974. 348 s.
- Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän voitto. Helsinki-Pietari: Johan Beckman Institute, 2003. 315 s.

Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo-Helsinki: Werner Söderström OY, 1969. 304 s.

Sotilaiden äänet. Kannaksen läpimurto taisteluista 1944. Yleisradion ääniarkistosta koonnut Paavo Rintala. Helsinki: Weilin&Göös, 1966. 358 s.

Suomen sota 1941–1945. Osa 7. Kuopio: Kustantaja Kivi, 1957. 598 s.

Viipuri 1944. Miksi Viipuri menetettiin? Helsinki: Werner Söderström OY, 2007. 376 s.

Vilkuna K. Sanan valvonta. Sensuuri 1939–1944. Helsinki: Otava, 1962. 188 s.